

ляющиеся в печати художественные произведения не получают своевременной критической оценки, в области слабо налажена работа по собиранию устного народного творчества.

Союз советских писателей и его Новосибирское отделение, Алтайское красное литературное объединение не оказывают необходимой помощи поэтам и прозаикам Горного Алтая.

После выступлений Заведующего отделом литературы народов СССР Союза советских писателей Г. Басаргина, писателя А. И. Коптелова, методиста Облעדкабинета Г. И. Чевалкова и др. конференция приняла решение по докладу С. С. Суразакова, в котором, признавая указанные выше недостатки, наметила также и основные мероприятия по изжитию этих недостатков.

В решении указывается на необходимость развертывания критики и самокритики при обсуждении каждого произведения и оказания со стороны писательских организаций действенной помощи писателям в устранении недостатков их произведений и в совершенствовании их литературного мастерства.

Конференция считает неотложной задачей литературных организаций области и края, а также редакций газет и журналов — широкое обсуждение произведений в печати и на читательских конференциях.

Конференция рекомендовала в ближайшее время издать антологию алтайской литературы, собрание сочинений П. В. Кучияка, сборники алтайского героического эпоса, алтайских песен, сказок, легенд, загадок, пословиц и поговорок, а также вузовский учебник по алтайской литературе и программы для средних школ, педучилищ и Учительского института по алтайской литературе.

Конференция признала желательным организацию в ближайшие годы отделения Союза советских писателей в Горно-Алтайской автономной области.

На конференции, кроме специальных докладов по алтайскому языку и литературе, был с большим интересом заслушан доклад доктора истор. наук лауреата Сталинской премии проф. Л. П. Потапова «Об образовании алтайской социалистической нации».

В результате работы конференции и созданных ею специальных комиссий: а) по грамматике алтайского языка (руководитель — канд. филол. наук Т. М. Тоцакова), б) по литературному переводу и терминологии (руководители — Ч. И. Енчинов и Е. М. Чашыев), в) по алтайской литературе (руководитель — канд. филол. наук С. С. Суразаков) — были приняты решения по каждому докладу.

Работа конференции и ее решения явились для алтайских языковедов и литературоведов началом большой и серьезной перестройки работы по алтайскому языку и литературе в свете указаний товарища Сталина, содержащихся в его классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания».

Н. А. Баскаков

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ АКАД. И. И. МЕЩАНИНОВА «ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ» НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР, ПРОВЕДЕННОМ В ЛЕНИНГРАДЕ 19—20 НОЯБРЯ 1951 ГОДА

В своем вступительном слове акад. В. В. Виноградов наметил те основные вопросы, которые поднимаются при критическом рассмотрении книги акад. И. И. Мещанинова. Он подчеркнул, что критика этой книги ведется в общем плане освобождения советской лингвистики от антимарксистской теории акад. Марра и его «учеников», в соответствии с задачами, поставленными И. В. Сталиным (см. публикуемую в данном номере журнала рецензию акад. В. В. Виноградова).

С докладами, посвященными критическому разбору книги акад. И. И. Мещанинова¹, выступили доктор филол. наук Е. М. Галкина-Федорук и канд. филол. наук В. А. Аврорин.

Е. М. Галкина-Федорук, напомнив слова И. В. Сталина о том, что «теоретическую неразбериху внесли в языкознание Н. Я. Марр и его ближайшие соратники»², указала, что обсуждаемая книга является ярким примером подобной «теоретической неразберихи». Никогда не подвергавшаяся сколько-нибудь серьезному

¹ И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1945.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 42.

критическому разбору³, эта книга активно внедрялась в теорию и практику языковедения. Научная общественность в течение полутора лет напрасно ждала, что академ. И. И. Мещанинов сам раскроет теоретические пороки своей книги; в настоящее время критика этой книги является неотложным делом, так как ее идеи оказывали вредное влияние не только на сторонников Марра, но и на широкие круги языковедов.

Разбираемая книга представляет собой один из этапов развития марровской теории «стадиальности», разработкой которой И. И. Мещанинов занимался на протяжении всей «всей деятельности» (см. его предшествующие работы, в частности «Новое учение о языке»). В данной книге представлена стадиальность, намечаемая по узко формальной совокупности синтаксических отношений, устанавливаемых на основе пресловутой семантики предложения, о которой И. В. Сталин сказал: «...Переопенка семантики и злоупотребление последней привели Н. Я. Марра к идеализму»⁴. Наряду с злоупотреблением семантикой игнорировались собственно языковые факты, показывающие, что они и те же понятия выражаются в одних языках лексическими средствами, в других морфологическими или синтаксическими. Так стиралась грань между грамматикой и лексикой, исчезала морфология как таковая. Упразднение морфологии — одна из характерных черт концепции Мещанинова. Показательно такое заявление в его более поздней работе: «Сказуемое — это одно, а глагол это другое. Первое из них относится к области синтаксиса, а второй — к области лексики»⁵.

Докладчик подробно рассмотрел и подверг критике тот метод, при помощи которого И. И. Мещанинов намечает способы выражения синтаксических отношений (инкорпорирование, синтетизм, согласование, замыкание, сепаратизация, локализация и др.). Ни один из этих способов не исследован И. И. Мещаниновым сколько-нибудь удовлетворительно на материале какого-либо определенного языка. В связи с этим намеченные им понятия оказываются неприменимыми к ряду языков; так, например, понятие «замыкания», широко используемое академ. И. И. Мещаниновым для определения синтаксического качества и своеобразия строя предложения в разных языках, в том числе и в русском, не может считаться сколько-нибудь характерным для синтаксических отношений русского языка, где оно более связано с различиями словорасположения и должно быть рассмотрено в стилистическом синтаксисе. Совершенно неправомерно объединение всех форм сочетаний слов (в атрибутивной и предикативной связи) термином «согласование».

Характеристика понятия «локализация» также свидетельствует о том, насколько поверхностно и без учета данных конкретных языков строит И. И. Мещанинов свои категории, хотя потом и применяет их к языкам всех систем. Для русского языка понятие локализации совпадает с понятием порядка слов. Рассматривая этот способ синтаксических отношений в русском языке, И. И. Мещанинов считает, однако, достаточным опереться только на случаи инверсии определения по отношению к определяемому, ни в какой степени не привлекая другие обширные материалы по словорасположению в русском языке.

Не описав синтаксической или морфологической системы ни одного языка, не показав реального взаимодействия различных синтаксических приемов, И. И. Мещанинов строит на шатком основании отдельных синтаксических признаков целые языковые структуры. Стремление создать какую-то систему стадий на основе разрозненных примеров из отдельных языков является фактически отрицанием существования языка как целого в его конкретной истории, ведет к полному антиисторизму и космополитизму.

В книге нет четко обоснованной теории предложения: не определена сущность предложения, налицо смешение, отождествление понятий «суждение» и «предложение», непонимание того, что предложение есть материальная оболочка суждения, реализующегося в предложении разными средствами. Смешаны также понятия «подлежащее» и «субъект», «сказуемое» и «предикат».

В основе понимания членов предложения и частей речи у И. И. Мещанинова лежат понятия категории, которые он некритически заимствует у зарубежных лингвистов идеалистического направления (например, у Есперсена) и ставит на службу теории стадиальности. То определение, которое дает понятийным категориям И. И. Мещанинов, также является идеалистическим: в нем имеется допущение таких категорий сознания, которые будто бы в чистом виде, свободном от языковой материи, существуют в сознании. «Понятийные категории, о которых идет речь, оказываются, при таких условиях, также и категориями сознания, в том или ином виде выражающимися в языке.

³ См. апологетическую и бессодержательную рецензию на эту книгу проф. Н. Ф. Яковлева, опубликованную в «Известиях АН СССР, Отделение литературы и языка», т. V, вып. 5, 1946.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

⁵ И. И. Мещанинов, Глагол, М.—Л., 1949, стр. 6.

В то же время они же оказываются и языковыми категориями, поскольку выявляются именно в языке. Без их выявления в языке они остаются в области сознания»⁶.

Идеалистическая сущность этого определения становится совершенно ясной в свете таких марксистских положений, ясно и точно сформулированных И. В. Сталиным: «Огненных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует... Только идеальности могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»⁷.

Так И. И. Мещанинов отгораживает, отрывает язык и мышление друг от друга, вносит путаницу в соотношение этих рядов, извращая ленинскую теорию отражения.

И. И. Мещанинов трактует понятийные категории как соединяющий элемент, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления. Здесь тот же идеалистический разрыв языка и мышления. Процесс мышления, протекающий в словесном оформлении, получает еще особый компонент — понятийные категории.

Члены предложения и части речи освещаются в книге И. И. Мещанинова только с точки зрения семантики, которая и поглощает грамматическую сторону анализа. Докладчик привел ряд примеров, иллюстрирующих это положение. Такова, например, ничего не дающая для грамматики попытка различить характер дополнения в предложениях «профессор читает лекцию» и «профессор читает роман» (во втором случае дополнение оказывается, по И. И. Мещанинову, более самостоятельным, так как оно менее конкретизирует семантику глагола «читать», чем в первом); такова же попытка увидеть разный субъект в предложении «я читаю» (активный субъект), «я болею» (пассивный субъект). Такой подход ни в какой степени не обогащает понимание структуры предложения, отвлекает внимание в сторону вопросов, не имеющих отношения к грамматике.

Части речи И. И. Мещанинов выделяет также только с точки зрения своеобразной синтаксической семантики, считая при этом, что своим выделением они обязаны исторически постоянному употреблению того или другого слова в одной и той же синтаксической функции. Синтаксические признаки в своей совокупности дали определенные семантические группировки, которые закрепились за отдельными частями речи, как лексическими группами.

Докладчик polemизировал также и с пониманием модальности и категории состояния в книге И. И. Мещанинова.

В итоге докладчик пришел к выводу, что разбираемая книга во всех своих теоретических положениях представляет вопиющее противоречие сталинскому учению о языке. Эклектически соединяя идеалистические и вульгарно-материалистические идеи, игнорируя конкретный живой материал языков, опираясь на порочные теории стадийности, единства глоттогонического процесса и «понятийных категорий», И. И. Мещанинов пришел к абсолютному антиисторизму.

Канд. филол. наук В. А. А в р о н и посвятил свой доклад выяснению вопроса о том, сохранил ли сталинский подход к явлениям языкового строя в разбираемой книге. В. А. Аврорин подчеркнул, что И. И. Мещанинов, признавший порочность своих более ранних работ, не выступал с разбором данной книги, видимо считал, что эта его работа выгодно отличается от предшествующих.

В свое время ультра-марксисты обвиняли И. И. Мещанинова в связи с выходом книги «Члены предложения и части речи» в отходе от установок Марра и от марровской стадийности и в увлечении описанием формальных языковых структур.

Их утверждения были совершенно неосновательны: стадийный подход к явлениям языка сохранен им полностью. Весь материал расположен по стадийной схеме: полное и частичное никорпорирование, затем уже способы синтаксической связи между отдельно выраженными членами предложения. Не случаен и порядок расположения этих способов — синтетизм, согласование, замыкание, сепаратизация, локализация — так сказать, по принципу убывающей никорпоративности. Способы эти объявлены универсальными приемами и отыскиваются в самых различных по грамматическому строю языках лишь потому, что каждый из этих способов встречается и в языках никорпорированных. Таким образом, все языки могут быть рассмотрены как находящиеся на различных ступенях стадийной лестницы. Следы никорпорирования И. И. Мещанинов видит и в сказуемом субъектно-объектными показателями и в местном спряжении глагола, например, в казахском языке, а также, хоть и с некоторыми оговорками, во французском. Синтаксический прием примыкания, широко распространенного в тюркских и других языках, И. И. Мещанинов также сближает с никорпорированием.

В книге много противоречий: так, автор передко пренебрегает против того, чтобы категории и факты одного языка механически распространять на другие языки, но при этом сам систематически переносит особенности никорпорированных языков и

⁶ И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, стр. 197—198.

⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

языков, имеющих эргативную конструкцию предложения, на те языки, которые, по идее автора, уже прошли данные этапы развития. При этом перенос фактов индоевропейских языков, например, на палеоазиатские автор считает недопустимым, так как палеоазиатские языки не проходили в своем развитии стадии индоевропейских языков, а обратный перенос вполне допустимым и приемлемым, хотя основания для подобного утверждения у автора совершенно априорные. Наиболее древним строем предложения И. И. Мещанинов также априорно признал постесивный, а языки, где этот строй представлен (хотя бы и далеко не исключительно), наиболее отсталыми (см. такие бесчисленные языки, как эскимосские, самоедские, многие индейские языки Америки). Неправильность этого построения прекрасно опровергнута практикой. Ряд подобных языков получил у нас письменность, успешно развивается и совершенствуется, сохраняя при этом и упомянутые постесивные обороты, вовсе не знаменующие их отсталость.

Стадиальное расположение материала приводит, вопреки реальной истории языков, не к изображению процесса постепенного усложнения предложения, а к представлению о расщеплении первичного единого, неделимого звукового комплекса на отдельные его части. В свою очередь, расщепление слова-предложения ставится в прямую зависимость от идеалистически трактуемого процесса мышления, как прамодельного дифференцирования первичной диффузности.

Взрыв в процессе стадиального развития языков И. И. Мещанинов усматривал в акте введения письменности в бесписьменных языках. При этом, вопреки реальным фактам, все бесписьменные языки, с точки зрения И. И. Мещанинова, объединяются общими чертами в грамматике, отличающими их от письменных языков, находящихся по отношению к ним на принципиально иной стадии. Состояние младописьменных языков изображается как состояние коренной ломки и перестройки всего грамматического строя, что также противоречит фактическому положению вещей: в действительности в младописьменных языках идет стирание диалектных различий, развиваются стили языка, обогащается словарный состав, совершенствуется грамматика, но все это — при сохранении всех присущих данному языку основных черт его грамматического строя.

Понятийные категории выступили у И. И. Мещанинова в результате невозможности провести классификацию по морфологическому признаку, а также в связи с тем, что и синтаксический материал плохо укладывался в прокрустово ложе принятой схемы. Отсюда обращение к мышлению, законы которого являются общими и не зависят от того, на каком языке говорит тот или иной народ. Однако просто перенести проблему стадиальности в область мышления было невозможно. Это надо было сделать, не изымая ее из языка, путем включения мышления в язык. Так происходило отождествление языка с мышлением. В качестве прокладки между тем и другим у Н. Я. Марра появилась в свое время так называемая «идеология речи», а у И. И. Мещанинова «понятийные категории». Но Мещанинову, в каждом языке имеется определенное количество формально выраженных (т. е. выраженных средствами языка) мыслительных категорий, наряду с которыми существуют мыслительные категории, не имеющие формального выражения в данном языке, но все же в нем существующие. Здесь мы имеем дело с незримым существованием «чистых понятийных категорий» в некоторых языках; реальность их существования доказывается тем, что в других языках они могут получить свое формальное выражение.

Такое идеалистическое построение необходимо И. И. Мещанинову в целях универсализации грамматического строя, при которой в каждом языке оказывается сумма «реальных» понятийных категорий, произвольно перенесенных из других языков и виде освобожденных от «природной материи» идей.

Поскольку в каждом отдельном языке обнаруживаются благодаря этому те же самые понятийные категории, что и в любом другом, антиисторический и космополитический характер этой теории не вызывает сомнения.

Докладчик привел примеры грубых ошибок анекдотического характера, возникших в книге при пользовании понятийными категориями как базой иностадийных сравнений при игнорировании реальной истории языков. Так, например, инкорпорирование было приписано чукотскому языку, в котором фактически главные члены предложения всегда выражаются раздельно; типично агглютинативный эскимосский язык был также отнесен к числу инкорпорирующих. При переносе на русский язык особенностей тюркских языков И. И. Мещанинов обнаруживал местоимения в современных окончаниях русского глагола, а в формах *говора-т, теря-т* — дееспричастия, оформленные окончанием *-т*.

Для того чтобы с большей легкостью отыскивать следы инкорпорирования в различных языках, И. И. Мещанинов настойчиво подчеркивал понятие синтаксических групп. В обычной группировке второстепенных членов предложения вокруг главных он стремился устранить момент самостоятельности этих второстепенных членов, сгруппировать их в замкнутые, нерасторжимые единства.

Еще в начале доклада В. А. Аврорин упомянул, что в недалеком прошлом он разделял теоретические установки обсуждаемой книги и общелингвистические взгляды ее автора. Однако в докладе он не привел из своих работ ни одного примера, иллюстри-

рующего это положение, ограничив задачу своего выступления только разбором ошибок И. И. Мещанинова, подчеркнув, что он стремится помочь И. И. Мещанинову разобраться в существе имеющихся в его книге ошибок.

Акад. И. И. Мещанинов в дважды выступил на заседании Ученого совета. В первом выступлении он согласился с тем, что морфология фактически отсутствует в рассматриваемой книге; «словозменительная морфология» вся растворилась в синтаксисе по марровской схеме — морфология на службе синтаксиса, а части речи как таковые превратились в группы лексического характера, объединяемые по тому значению, которое слово получает при использовании его в предложении. И. И. Мещанинов также признал, что все построение книги в целом противоречит гениальным указаниям И. В. Сталина: лексика стала разделом грамматики, а грамматика осталась без морфологии; фактически такое построение было вызвано стремлением найти нопую опору для стадиальности. Это же стремление приводило и к «подтасовкам» в материале: показанный в работе переход от полного инкорпорирования к частичному никауда не годен по качеству материала, неправильно истолкованного, взятого из перодических языков, без учета внутренних законов их развития; ни в одном из этих языков инкорпорирование не является единственным средством передачи синтаксических отношений, а существует наряду с другими синтаксическими конструкциями.

Отметил И. И. Мещанинов и антиисторизм своих построений, объективное совпадение со схемами синхронистической лингвистики сосюрковского типа.

При всем этом И. И. Мещанинов пытался подчеркнуть положительные стороны книги. Так, по мнению И. И. Мещанинова, может остаться в силе членение предложения с выделением зависимых членов предложения и самостоятельных, хотя весь анализ фактического материала требует значительных исправлений (И. И. Мещанинов привел ряд примеров, требующих исправлений, и признался, что «неосторожно» привлекал научный материал).

Широко проведенное в книге сравнение разнотсистемных языков на основе универсальных синтаксических, весьма случайно подобранных приемов И. И. Мещанинов квалифицировал как работу, имеющую ценность для построения сравнительного синтаксиса и генеалогической классификации языков.

Главу о понятийных категориях он расценил как не имеющую прямого отношения к работе в целом, поскольку данная глава была вставлена уже после окончания книги и якобы не согласована по содержанию с остальными главами книги.

Ученый секретарь Президиума Академии Наук СССР проф. В. П. Сухотин указал на необходимость продолжения углубленной критики работ, являющихся марровским наследием. Задача, поставленная И. В. Сталиным, — освобождение от ошибок Марра — не решена, об этом свидетельствует и то, что такая книга, как «Члены предложения и части речи», обращенная к проблемам современной грамматики, имевшая огромное влияние на научную работу в этой области, на подготовку кадров, на нашу школу, не была еще до сих пор проанализирована должным образом.

Данная книга порочна по методу исследования, в ней царит полный антиоризм, факты подбираются, подгоняются к заранее принятой схеме, получают совершенно произвольное толкование, редкие, единичные для того или иного языка факты выдаются за типичные.

Книга представляет ряд грубейших ошибок и извращений: в ней представлен отрыв языка от мышления, полный антиисторизм, космополитизм в понимании языковых категорий и структуры языка. Конкретный языковой материал здесь не исследуется, а сделанные извлечения разнотсистемного материала, поставленные искусственно в один ряд, теряют всякую цену.

Анализ книги, данный в докладах, ярко показал, что не может быть речи о каких-то доработках и уточнениях, о частичном использовании этой книги, как полагает автор книги, выступивший в объективистском тоне. Вопиющую недоброкачественность всего материала, на котором построена книга, И. И. Мещанинов склонен рассматривать как что-то второстепенное, как детали изложения, не видя того, что выводы, построенные на подобном материале, не имеют никакой ценности.

К ряду критических положений, выдвинутых в докладах, И. И. Мещанинов вообще не проявил в своем выступлении никакого отношения. О непонимании совершенных ошибок говорит и современная тематика работ И. И. Мещанинова, в частности подготовленная им работа «О внутренних законах развития палеоазиатских языков». В свете учения И. В. Сталина невозможно говорить о внутренних законах развития целой группы языков, родство которых между собой справедливо подвергается сомнению. Характерно, что работа, посвященная сравнительному изучению самих этих языков, еще только запланирована И. И. Мещаниновым.

Данное заседание ставит своей целью оказать И. И. Мещанинову творческую помощь; оно только в том случае достигнет своей цели, если автор книги осознает всю глубину выдвинутых критических положений и ответит на них должным образом.

Доктор филол. наук В. Н. Ярцев в охарактеризовала использование материала в разбираемой книге. По мнению И. И. Мещанинова, в английском языке предлоги превратились в надежные префиксы, а личные местоимения — в элементы, дающие новые

тип спряжения с личными местоименными приставками. Автору книги такое понимание языкового материала было нужно, чтобы показать определенный этап в стадильном развитии английского языка.

Такое использование материала совершенно неправомерно, здесь не учтено лексическое значение, присущее предлогам наряду с их формальной функцией, грубо смешаны морфологические и синтаксические категории. При таком подходе в языке обнаруживается бесчисленное количество падежей, а система склонения оказывается разрушенной.

По мнению В. Н. Ярцевой, И. И. Мещанинов неправ в оценке роли понятийных категорий в его книге; фактически это — основа, на которой строится сравнение языкового материала, поскольку в книге И. И. Мещанинова оно проводится не с целью выявления своеобразия и сходства сравниваемых родственных языков, а с целью выявления в разносистемных языках вневременного, общего, единых понятийных категорий в присущем им выражении. Такое сравнение не удовлетворяет нас, оно искажает облик каждого языка и не дает картины его развития. Этот же прием понятийных категорий приводит к смешению лексики и грамматики: одни и те же понятийные категории могут быть выражены в одних языках лексически, в других грамматически, однако они все равно ставятся в одну плоскость сравнения.

Старший научный сотрудник О. П. Суник подчеркнул, что книга построена на основе сравнительно-типологического метода. По материалу книга — обзор отдельных примеров, почерпнутых из описаний этих языков или из устных сообщений носителей и исследователей этих языков. Структура этих языков оставалась автору книги неизвестной. Все сравнение строилось с ярко выраженной переоценкой семантики, пренебрежением к звуковой форме.

Проведенная в книге систематизация синтаксических приемов (синтетизм, замыкание, сепаратизация и т. д.) порочна, так как внешне стройный перечень этих приемов включает различные явления различных языков; здесь синтаксис смешан с морфологией, грамматика с лексикой, все дано на одной плоскости, в одном плане.

Понимание понятийных категорий, на которых строится вся книга, представляет смешение категорий мышления, логики, сознания, идеологии и должно быть отброшено.

Критика книги важна и неотложна. Книга привлекла к себе в недавнем прошлом многих языковедов кажущимся отходом от марксизма, соблазняя мнимой и пустой простотой, крайним схематизмом в изложении синтаксических приемов. В подобную схему каждому легко было уложить поверхностно изученный материал, не исследуя его. Универсализм понятийных категорий привлекал всех склонных к празному теоретизированию. Многим импонило кажущееся богатство иллюстративного материала из малоизученных языков Союза.

Между тем фактически данная книга может лишь служить тяжелым уроком того, как нельзя и не нужно заниматься исследованием грамматического строя языков.

О. П. Суник указал при этом, что он сам допускал серьезные ошибки в работе и имеет опыт их преодоления; конкретных примеров своего освобождения от ошибок «нового учения» о языке О. П. Суник не привел.

Член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский отметил, что до дискуссии ему казалось правильным то, что И. И. Мещанинов занимается преимущественно развитием учения о единстве глоттогонического процесса и о стадильности. В. М. Жирмунский указал, что в своих ошибочных работах по сравнительному литературоведению и сравнительному языкознанию он также следовал этому учению, и привел примеры того, как он установил в свое время инкорпорацию в немецком языке вопреки всем общим показаниям строя этого языка. Идеалистическая сущность этого учения, представляющего собой искажение учения Маркса об общественно-экономических формациях, стала ясна лишь после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина.

Синтаксическая стадильность, представленная в разбираемой книге, обладает всеми пороками стадильности морфологической: она так же выстраивает языки по рангам, восходящим к индоевропейскому номинативному строю как к высшему рангу, и не может объяснить, почему вместе с развитием мышления и тем более общества, языки посессивного или эргативного строя не переходят в номинативный, а продолжают, как это показал И. В. Сталин, развиваться и совершенствоваться по своим внутренним законам.

Книга всегда оставляла недоуменный вопрос: если по существу неизменные, всегда тождественные себе мыслительные категории отражаются в различных лишь с формальной точки зрения грамматико-синтаксических формах, то в чем же тогда заключается стадильное развитие языка и мышления? Глоттогонический процесс в этой третьей и последней трансформации марковского учения превратился в некую универсальную, вневременную языкотворческую семантику.

Заместитель директора Института языкознания Б. А. Серебрянников в дал в своем выступлении подробный обзор развития теории стадильности у Марра. Отчаявшись в построении стадий на основе формальной стороны различных языков, Марр перенес свое внимание на поиски стадий в развитии мышления (тотемистическая,

космическая, технологическая стадии). И. И. Мещанинов после смерти Марра пытался проследить стадии в материальной стороне языка, но потерпев те же неудачи, что и его учитель, вновь обратился к помощи мышления и нашел спасение в эсперсеновских понятийных категориях.

И. И. Мещанинову следует поэтому прежде всего выступить с глубокой критикой теории стадильности, на которой строится вся книга, а не заниматься уточнением и дополнением отдельных положений.

Теория стадий Марра — Мещанинова лишена смысла и основания, так как одинаковый уровень развития производства не может быть связан с специфической языковой структурой и не может выразиться в форме материального родства корнеслов. Нельзя найти основания этой теории и в общности типологии: количество основных приемов выражения синтаксической связи в языках мира сравнительно невелико, и совпадение одинаковых приемов ни о чем не свидетельствует. Типологическое сравнение материально перодических языков, расположенных в разных точках земного шара, представленное в книге И. И. Мещанинова, ничего не может дать для установления родства языков.

Должны быть отброшены и понятийные категории, являющиеся стержнем всех построений И. И. Мещанинова. Понятийные категории строятся на наивном, не свойственном лингвисту представлении об универсализме понятий, фактически весьма многообразных и качественно не одинаковых. Так, в частности, в понятийных категориях смешаны лексические и грамматические понятия, природа которых отнюдь не одинакова.

У И. И. Мещанинова получается так, что если какое-то грамматическое понятие не находит отражения в грамматике языка, то оно находится в области чистого сознания. Это уже идеалистическое положение, ярко свидетельствующее о том, что теория понятийных категорий неприемлема для советского языкознания.

Проф. В. И. Ципиц и ц и у с говорила о том вреде, который нанесла книга И. И. Мещанинова делу изучения и углубленного исследования языков. По отношению к малоизученным языкам Союза считалось необходимым применять схему, предложенную в данной книге. Проф. Ципицус пыталась применять ее при изучении синтаксиса языков тунгусо-маньчжурской группы и убедилась, что это невозможно, так как автор книги прошел мимо многих конкретных, очень важных особенностей тех языков, на основании которых он строил свою схему. Между тем, дело подлинного изучения материала тормозилось. Результатом этого является, например, то, что работники по северным языкам не в состоянии еще и в настоящее время прочесть курсы исторической и сравнительной грамматики и диалектологии этих языков. В. И. Ципицус указала, что выступающие на данном заседании ученики И. И. Мещанинова — В. А. Аврорин, О. П. Суник, — не показали в своих выступлениях, как они использовали ошибочные и порочные положения разбираемой книги в своих работах, которые фактически строились на ее методологии. Критика и самокритика и вообще, видимо, находятся не на должном уровне в секторе северных языков, об этом свидетельствует хотя бы работа И. И. Мещанинова под темой «О внутренних законах развития палеоазиатских языков». Эта работа, как говорилось здесь, неудачна и по замыслу и по выполнению. Почему же коллектив данной группы не поставил вопроса об этом своевременно?

Старший научный сотрудник Н. С. Поспелов подчеркнул, что в работе И. И. Мещанинова предложение не возникает из сочетания слов и не формируется сочетанием слов, а «смысл самого высказывания устанавливает между словами предложения синтаксические связи, благодаря чему слова входят друг с другом в синтаксические отношения, что и получает свое выражение в синтаксических приемах»⁸. Тем самым в работе отрицается грамматическая, да и лексическая природа слова. Слово тонет в общей семантике предложения. При обсуждении уже подчеркивалось, что в книге нет морфологии, поскольку ее автора интересует лишь то, как априорно принятые понятийные категории отражаются в частях речи. Но в книге нет и синтаксического анализа и синтаксиса как такового. В своем анализе, якобы синтаксическом, автор исходит не из понятия слова, не из сочетания слов в предложении, а из неопределенного понятия семантики предложения.

В прениях выступили также проф. Р. А. Будагов, О. К. Шведе-Васильева, ученый секретарь Института языкознания Б. В. Горнунг, проф. А. В. Десницкая, канд. филол. наук Ю. Д. Дешериев, А. И. Моисеев, П. Я. Скорики, поддерживавшие и развивавшие положения докладчиков и лиц, выступивших в прениях. Проф. Р. А. Будагов на ряде ярких иллюстраций показал также несостоятельность формулировок книги и всего ее стиля, что связано, по мнению Р. А. Будагова, с несностью, противоречивостью научной концепции книги. Проф. А. В. Десницкая говорила о вреде, принесенном этой книгой, воспитывавшей в языковедах подход к языку вне его истории, и остановилась в этой связи на своей статье «Архаичные черты в индоевропейском словосложении»⁹, где имеются поиски пережитков инкор-

⁸ И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, стр. 106.

⁹ Сб. «Язык и мышление», XI, Изд.-во АН СССР 1948.

порапии в архаичных типах индоевропейских композитов. На эти поиски толкала автора статьи идея об универсальном пути развития строя языков, поэтому древний тип индоевропейского словосложения с еще не выработанной падежной флексией без всякого основания был истолкован как факт инкорпорации.

Акад. И. И. Мещанинов выступил второй раз в ходе обсуждения книги. Он заявил, что обсуждение помогло ему глубоко осознать, что в данной книге он не отошел от установок Марра, что вся обсуждаемая работа целиком построена на основе теории стадий и в силу этого дефектна. Синтаксическая стадийность привела к утверждению, извращающему историческую перспективу развития языка, о том, что члены предложения исторически древнее частей речи. Попытка построить универсальную грамматику разносистемных языков на основе типологических сопоставлений также оказалась порочной. Типологическое сравнение выступило здесь как самоцель и сняло всякую возможность историзма; историческое развитие языков при данном подходе полностью игнорировалось. Марровская концепция развития языка в форме революционных взрывов и непонимание специфики законов внутреннего развития языка характерны для книги в целом.

Роль понятийных категорий действительно является ведущей во всем изложении материала; в понимании понятийных категорий смешаны мышление и мировоззрение, грамматические понятия и грамматические формы, лексика и грамматика.

Справедлив упрек, что в книге имеется отрицание слова как такового, «слова в слове»; это естественно вытекает из преувеличения роли синтаксической семантики, построенной на основе понятийных категорий.

В заключение И. И. Мещанинов признал, что его работа оказала вредное влияние на преподавательскую и исследовательскую работу и совершенно не отвечает теоретическим положениям учения И. В. Сталина о языке.

Подводя итоги работы расширенного заседания Ученого совета, акад. В. В. Виноградо в напомнил, что принцип критики и самокритики, являющийся основным принципом развития советской науки, был изращен в период господства «нового учения» о языке. Критическое рассмотрение книги акад. И. И. Мещанинова на данном заседании велось на основе того непреодоленного образца критики, который дал И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания», согласно которому критика должна вскрывать как методологическую основу каждой работы, так и оценку конкретного материала, положенного в основу тех или иных построений. В разобранной книге И. И. Мещанинова нас не удовлетворяют как общие принципы, так и тот конкретный материал, на котором эти принципы основаны. И. И. Мещанинов согласился с тем, что встреченная им единодушная критика была правильной, что основные положения его книги являются антимарксистскими, марровскими, он признал, что материал, положенный в основу работы, не добыт им самостоятельно, собран случайно. Следует при этом подчеркнуть, что методология этой книги является типичной для всей научной деятельности И. И. Мещанинова и что он никогда от нее не отступал. В дискуссионной статье «За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра», написанной в 1950 г., т. е. 5 лет спустя после книги «Члены предложения и части речи», он признавал углублять теорию стадийно-языкового развития с присущими ей взрывами на основе понимания языка как надстройки; органическим дополнением и обоснованием теории стадийности явилось идеалистическое учение о понятийных категориях.

Проведенная критика показала полное единодушие в оценке книги И. И. Мещанинова, а также единодушие в понимании основных задач советского языкознания и основных категорий марксистского языкознания. Еще многие вопросы требуют своего углубленного рассмотрения во время творческих дискуссий. Такова в частности проблема семасиологии в общей системе языкознания и связанное с ней выяснение задач грамматики, соотношение морфологии и синтаксиса в пределах грамматики, проблема описания грамматического строя и его исторического изучения.

В. Г. Орлова

СОВМЕСТНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С 3 по 7 декабря 1951 г. в Кишиневе проходила совместная научная сессия Института языкознания Академии Наук СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии. Сессия была посвящена вопросам молдавского языкознания.